

РОДИВШИЕСЯ	УМЕРШИЕ
—	1
за отчётный период — два года	

ПРОЧЕРК

р о м а н

Тобтач Иишкин

Прочерк

<https://litres.ru/74539258>

SelfPub; 2026

Аннотация

В селе Долгое перестают рождаться дети. Не по указу и не от голода — просто однажды женщины замолкают, и в графе «родившиеся» на два года встаёт прочерк.

Смерть младенца из-за разбитого моста, кончившегося бензина и телефона, который «слушает обмен», а не людей, становится точкой, откуда молчание расходится по всей деревне — как единственный язык, которого не понимает ни одна инстанция.

Статистик, присланный сверить цифры, находит не приписку и не саботаж. Он находит правду, которую два года никто не решался прочитать вслух.

Роман о счёте как форме сопротивления — и о прочерке в казённой ведомости, который оказывается актом любви.

Содержание

Глава первая. Обмен идёт	4
Глава вторая. Так пишут	8
Глава третья. Дрова	11
Глава четвёртая. Чистовик	13
Глава пятая. Сводка	16
Глава шестая. Входящий номер	18
Глава седьмая. Пустая сумка	21
Глава восьмая. Прочерк	23
Глава девятая. Сверка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Прочерк

Глава первая. Обмен идёт

К вечеру Тимоша перестал брать грудь. Открывал рот, искал, находил и отпускал, будто забывал, зачем начал. Марфа взяла его на руки и взвесила. Она умела взвешивать без весов: пятнадцать лет на ссыпном пункте научили её отличать килограмм от девятисот наощупь. Ребёнок в её руках весил меньше, чем должен.

Она сказала Прохору: «К телефону».

Прохор до темноты чинил керогаз, который не чинился. Он отложил ключ, посмотрел на керогаз так, как смотрят на врага, с которым придётся жить, и вышел за ватником.

Телефон висел в правлении на гвозде, и гвоздь держал всю округу: скорую, ветеринарную, пожарную и начальство. Правление стояло через два двора; в десятом часу в Долгом гасили электричество, и Марфа шла к нему в темноте, неся свёрток за пазухой, как носят горячее.

Дежурная сидела под портретом в рамке — такой же портрет висел в школе, в клубе и, наверно, в самом Светлогорье.

— Обмен идёт, — сказала она и положила трубку, не спросив, кто и зачем.

— Какой обмен?

— Всереспубликанский. — Она посмотрела на свёрток и

добавила, уже не так твёрдо: — До утра.

Марфа села на лавку у стены. Тимоша дышал часто и мелко. Прохор стоял у телефона и смотрел на него, как на упрямый мотор. Раз три он снимал трубку — в ней шипело и пело. На четвёртый раз сквозь шипение прорезался женский голос с радиоузла: «Соединяю Приречное».

— Больница, — сказал в трубке усталый голос.

— Ребёнку две недели, — сказала Марфа. — Не берёт грудь. Дышит часто.

Голос помолчал.

— Не везите, — сказал он. — По такой дороге не довезёте. Бензина нет, скорая стоит с весны, подписано. — Он опять помолчал и сказал тише: — Пойдёте пешком — идите по обочине. Мост у старой мельницы развалился. Несите тепло.

Дежурная отвернулась к окну. Марфа запоминала не слова — дорогу.

Обратно шли молча. По дороге Прохор сказал:

— Я понесу.

Марфа собрала узелок. Пелёнки взяла с верхней полки — всё детское в доме жило на верхней полке, и доставала его оттуда только она. Пока она собиралась, из тарелки под потолком прорезался диктор: «...Держава с честью выполнила обязательства по сдаче зерна. Особые успехи — в нашем районе...» Марфа услышала слово «район» и подумала, что это зерно она взвешивала сама.

Ночью по большой дороге ездят только двое: скорая и на-

чальство. Скорая стояла. Их обогнали один раз — легковая с блестящей крышей подняла из колеи грязь и не сбавила хода. Прохор нагнулся над свёртком, и они шли дальше по обочине, где твёрже.

От Долгого до Приречного вдоль дороги шли столбы радиоузла, и из тарелок ночью шипело: обмен шёл. За лесом стояло зарево — там горел город.

Мост у старой мельницы был развален ещё в половодье, и его не починили, потому что в ведомости он был починен. Они перешли речку по жердине, и Прохор шёл впереди, подсвечивая Марфе дорогу собственным телом.

Двенадцать вёрст Марфа считала сама, без столбов.

Деревня Приречное спала. Больница стояла на бугре у реки — длинный дом под железом, и горело в нём одно окно. Одно на весь корпус; остальные окна были темны, и в темноте их нельзя было отличить от пустых.

Прохор стучал долго. Потом внутри зашаркали шаги, и открыл старик в валенках, с халатом, накинутым на плечи. Из-за его спины тянуло теплом и карболкой.

— Две недели, — сказала Марфа. — Со вчера не ест.

Старик уже забирал свёрток, ещё слушая.

— Вес рождения?

— Три двести, — сказала Марфа. — Сейчас потерял грамм триста.

Старик впервые посмотрел на неё — так смотрят на цифру, которой не ждали.

— Герман Львович, — сказал он уже из палаты. — Ждите тут.

В коридоре было тепло; топили печку. На стене висел плакат: женщина в белом платке держала младенца, и под ней было написано: «Каждой семье — здорового ребёнка». Прохор снял шапку, положил на колени и стал смотреть в тёмное окно. Там, за рекой, стояло зарево Светлогорья.

— Света-то сколько, — сказал он.

Марфа не ответила. Она слушала дверь, прикрытую в конце коридора. Оттуда не доносилось ничего — ни плача, ни голоса, и это было хуже всего, потому что плач она знала наизусть и плач был бы хорошей новостью. В Долгом она умела по плачу сказать, чего ребёнку надо; здесь, за чужой дверью, оставалось одно — слушать.

За дверью звякнуло железом, потом что-то зашуршало, и Марфа не смогла разобрать, что это значит. Она не знала ничего и потому начала считать. Вёрсты кончились, зерно осталось на ссыпном пункте — считать было нечего, кроме ударов собственных рук на коленях.

Считать она умела лучше всех в районе.

В Долгом, в пустом доме, до утра горела лампа, которую Прохор не потушил, — единственный раз в жизни, когда он бросил дело недоделанным.

Глава вторая. Так пишут

Тимоша умер до света.

Марфа сидела рядом на табуретке, положив руку ему на одеяло, и считала вдохи. Считать она умела лучше всех в районе, и считать теперь было единственное, что она могла делать руками. Дыхание было частое, мелкое, потом реже, потом такое редкое, что между счётом стало хватать времени слышать, как за окном река трогает берег. Она сбивалась и начинала сначала, как проверяют вес, отставив гири. Потом она сбилась и не стала начинать.

Герман Львович вошёл сразу, как позвали, — будто стоял за дверью все сорок лет своей медицины. Сорок лет он лечил тех, кто выжил: настоящая его работа должна была начинаться на сутки-двое раньше — в поле, в бане, у телефона, на котором обмен идёт. Он послушал трубкой, выпрямился и посмотрел на настенные часы.

— Пять двадцать, — сказал он вслух, хотя никто не спрашивал, и записал в тетрадь дежурств карандашом. Всю эту ночь время оказалось единственным, что можно было исправить.

Утром он писал справку. Бланк был казённый, с гербом в углу, меньше копейки. «Справка. Выдана гр-ке... в том, что ребёнок её, мужского пола, двух недель от роду...» Графа «причина смерти» стояла третьей, и на ней рука его остано-

вилаась.

Правда помещалась в строку: пневмония; помощь свое- временно не оказана — скорая не выехала за неимением го- рючего; обращение позднее — за неимением связи и доро- ги. Два года назад из райздравики пришло методическое пись- мо: младенческую смертность в годовых сводках отражать по врождённной патологии, не загромождая отчётность бытовы- ми причинами, подрывающими картину достижений. Пись- мо он сжёг тогда же. Помнил наизусть. Вся его жизнь теперь помещалась в то, что он помнил наизусть.

Он вывел «пневм...», посмотрел на это слово и зачеркнул так, что чернело насквозь. «Врождённный порок» написать он не мог: порока не было, он осматривал сам. Промокнул и вывел ровно: «внезапная смерть новорождённного». Слово «внезапная» вышло ровным — рука умела писать нужное сама, без него.

Свёрток он вынес сам и отдал Прохору. Справку отдал Марфе.

Марфа развернула её в коридоре и прочла.

— Это правда? — спросила она.

— Так пишут, — сказал Герман Львович.

Она кивнула. Она знала, как пишут. Но спросить хотела не у бумаги — у человека, который ночью не спал.

— Спасибо, что открыли, — сказала она.

Он не нашёлся ответить. Проводил их до сеней и открыл наружную дверь — это было последнее, что он сумел от-

крыть.

Домой шли при свете, и дорога была другая. Из тарелок на столбах выходил марш, потом голос: «...В Светлогорье состоялось торжественное вручение медалей „Мать Державы“ многодетным матерям города и района...» Марфа слушала дорогу под ногами. У мельницы мост лежал в речке, где лежал.

Похоронили на другой день, полдеревни пришло. Прохор вырыл ямку сам, на горке за огородами; мёрзлая земля отступала от лопаты плохо, и он копал дольше, чем нужно, — единственное, что в те два дня он мог делать дольше, чем нужно.

Вечером Марфа встала на табуретку и положила справку на верхнюю полку, к детскому. Прохор встал рядом и протягивал руки, хотя она давно не нуждалась в его руках.

Лампу в тот вечер погасил он.

Глава третья. Дрова

На другой день Прохор вынес в сарай жерди и начал пилить.

Пилить он умел лучше, чем говорить. Мерил на глаз — глаз за двадцать лет не подводил ни разу: он чинил в Долгом всё, что чинится, — и пилил медленно, потому что оградку решил делать дольше, чем нужно. Таковую, каких здесь не делают: четыре колышка, перекладина, и углы он прошёл рубанком, чтобы не щепило.

Марфа перемыла посуду, хотя перемыла её ещё вчера, и пересчитала муку в ларе, хотя мука пересчитываться не просила.

К сумеркам она вышла во двор, неся рукавицы. Прохор пилил у сарая. От сарая через огород была видна горка, где сегодня утром приминали землю, и снег между сараем и горкой лежал нетоптанный. Марфа протянула рукавицы. Он отложил ножовку, вытер ладони о фартук и надел.

Оградка выходила маленькая. Таковую он делал впервые, и руки знали это, и потому руки работали внимательно.

— Хватит, — сказала Марфа.

Прохор опустил ножовку.

— Я больше не буду, — сказала она.

Объяснять было нечем: всё, что нужно было сказать, стояло через огород.

Проход открыл рот и закрыл. Слово, которое он держал под языком не первую зиму, повернулось и легло обратно. Он кивнул и допилил перекладину.

К темну он отнёс оградку за огороды.

Вечером он затопил печь и клал полено за поленом, и печь приняла больше, чем ей было нужно: топить так, впустую, как в городе, в Долгом не топил никто. Марфа смотрела и молчала. Слово «хватит» она сказала один раз и больше не возвращалась к нему: про печь оно было бы неправдой.

Дров хватило до самого утра.

Марфа заснула, не считая. Впервые за много лет.

Глава четвёртая. Чистовик

Слух пошёл неточный, как все слухи: говорили, что Гужова объявила — больше не буду. Марфа не объявляла. Но слух был верный.

Клавдия Степановна писала два вечера. Сперва черновик огрызком карандаша, потом начисто пером. Чернильница осталась от школы — «непроливайка» с отбитым носиком. Написала «просим» — посмотрела, зачеркнула. Написала «требуем» — посмотрела и оставила оба слова: пусть читают два раза.

Вышло пять пунктов, коротких, как урок:

В исполнительный комитет районного Совета. Копии: правлению совхоза «Заветы Ильича», районному отделу здравоохранения.

От жителей села Долгое.

1. Открыть в селе фельдшерско-акушерский пункт (закрыт).
2. Отпускать больнице в с. Приречное горючее для санитарной машины по установленной норме, а не по остатку.
3. Починить мост у старой мельницы (дорога Долгое — Приречное). В ведомости мост значится исправным.
4. Прочистить колодец № 2, затопленный паводком, и сдать воду на анализ.

5. Обеспечить правлению с. Долгое телефонную линию вне расписания всереспубликанского радиообмена.

Под пунктами она оставила место для подписей.

К сумеркам дошла до Гужовых. Прохор сидел у печи и дочинивал керогаз — тот самый, что не чинился: он был из тех, кто не бросает.

— Я не с соболезнаванием, — сказала Клавдия Степановна вместо здравствуйте. — С соболезнаванием я пришла бы раньше. Я с листом.

Она учила обоих, и её сажали, как сажают учителя, — на лавку к стене, где видно всю избу. Марфа прочла лист. Прочла два раза, как проверяют вес.

— Мала? — спросила Клавдия Степановна.

— Такая, что исполнили бы за неделю, — сказала Марфа. — Потому и не исполнят.

Клавдия Степановна выпрямилась. Она услышала не сочувствие — счёт.

— Подписи собирать?

— Нечего подписывать, — сказала Марфа. — Мы ничего не делаем.

Клавдия Степановна посмотрела на неё долго. Ученица придумала то, чего нет в правилах, — отсутствие. Учительница провела чертой место для подписей — одной чертой, через всё.

— А есть что подтвердить? — спросила она. — Что это

не с досады.

Марфа встала. Прохор подвинул табуретку, не дожидаясь. С верхней полки Марфа достала тетрадь в клетку, старую, с обтрёпанным углом, и открыла первую страницу.

Клавдия Степановна читала дольше, чем нужно было бы для справки. Строк в тетради было больше, чем пунктов в листе, — вот всё, что можно было сказать точно. Она была учительница и умела пересчитывать, но пересчитывать это она не стала.

Потом она положила лист рядом с тетрадью. У каждого пункта нашёлся предок. Она переводила тетрадь на казённый язык два вечера, не зная, что переводит.

— Я собиралась писать воззвание, — сказала она. — Воззвание написано. И давно.

Она закрыла тетрадь и подала Марфе.

— Завтра понесу в правление.

От печи, не поднимая головы, Прохор сказал:

— Понесём.

С четвёртого класса он руки не поднимал никогда, а спрашивали — отвечал верно. За все школьные годы она слышала его голос реже, чем звонок.

Домой Клавдия Степановна шла с листом за пазухой, как носят горячее. Мимо тёмных окон шла и не отличала пустых от ждущих.

Глава пятая. Сводка

В Светлогорье электричество не гасили. Горели фонари на площади, горел клуб; в клубе репетировали к празднику, и окна его горели до полуночи.

Ким Аркадьевич верил цифрам. Имя ему выбрали без него: КИМ — Коммунистический интернационал молодёжи; по району Кимов было одиннадцать. Отец звал его Василием до самой смерти, и на Василия он откликался.

Служил он статистиком в районном плановом комитете, и все цифры района проходили через его стол: тонны, литры, головы скота, родившиеся, умершие, браки. Арифмометр «Феликс» стоял слева от лампы, и Ким любил, когда рукоятка идёт туго: значит, число большое.

Внизу, у источника, он требовал точности. Наверху округляли. «Округлим в пользу отчёта», — говорил заведующий и правил пером, от руки, без машины. Ким смотрел на это без осуждения: наверху не считают — наверху подписывают. Его вера была проще: пока внизу точно, вранью наверху есть с чем сравниться. Точность внизу была его религией, и она пока не требовала мучеников.

Квартал закрыли к празднику. Ссыпной пункт № 4 сдал с перевыполнением, и это был хороший, плотный перевыполненный вес: рукоятка шла туго.

Последней дошёл он до графы «естественное движение».

Против Долгого в столбце «родившиеся» стоял прочерк; в столбце «умершие» — единица. Ким сложил столбец — столбец сходился. Прочерк он принял как есть: село маленькое, сроки у женщин разные, бывает и пустой квартал. Взгляд упал на строку и соскользнул, как с гладкого места.

Против Долгого он поставил карандашом точку. Точка значила: проверено.

К сводке прилагался список к награждению по заготовкам. Последней строкой шла: весовщица ссыпного пункта № 4 т. Гужова М. Е. — за безупречный учёт. Ким вписал её сам: дважды за год область присылала контроль, и у Гужовой сходилось до грамма. Лично он её не знал и знал цену её строке.

Пакет унёс курьер в райком. Вечером Ким шёл домой мимо горящего клуба, и ему было хорошо: квартал сходился.

В это время в Долгом пробивало десять, и село гасло до утра.

Глава шестая. Входящий номер

Прохор шёл в правление со своим: ему была нужна втулка к сенокосилке, и старую втулку он нёс с собой — мерить. Так у каждого из троих было своё дело: у Клавдии Степановны лист, у Марфы — быть, у Прохора — втулка.

В правлении пахло печкой и сургучом. Дежурная — та самая, что зимой клала трубку, — грела чайник. Мирон Ильич сидел за столом; руки у него были в весенних царапинах: он председательствовал не только над бумагами.

Лист он прочёл два раза. Печка потрескивала; Марфа смотрела на портрет, портрет смотрел на неё, и оба не выдавали.

— Кто составлял? — спросил Мирон Ильич.

— Я, — сказала Клавдия Степановна. — От жителей.

— Подписей нет.

— Так устроено.

Он посмотрел на Марфу. Спросить было с кого; все трое знали, что он это знает.

На третьем пункте он остановился надолго.

— Ведомость про мост подписывал я, — сказал он. Не так, как признаются, — так, как пишут дату.

Телефон на гвозде вздрогнул. Мирон Ильич снял трубку и выпрямился.

— Да. Слушаю... Закрыли, с перевыполнением... На чет-

вёртом чисто: у Гужовой до грамма сходится, область дважды контроль присылала... Праздник проведём. Так точно.

Он положил трубку и сидел, глядя на лист. Гужова сидела через стол.

Потом взял перо. Над пунктами стояло: «Просим и требуем». Слово «требуем» он провёл одной чертой — аккуратно, чтобы читалось, что было.

— «Требуем» я обязан в тот же день докладывать, — сказал он, не поднимая глаз. — «Просим» — могу изучать на месте.

— И будете изучать? — спросила Клавдия Степановна.

— Досмотрю.

Он открыл журнал входящих и записал: номер семьсот двенадцать. Штамп был старый, половины букв не хватало, дата читалась.

— Копия у вас?

— У нас.

— Храните.

Клавдия Степановна переписала номер в свою тетрадь — мелко, так пишут то, что нельзя потерять.

— По инстанции пойдёт? — спросила она.

— Инстанция, — сказал МIRON Ильич, — это я. Пока.

Втулка сошла: дежурная выдала со склада и записала в другую книгу. В правлении у каждого дела была своя книга.

Лист МIRON Ильич положил не в папку «На исполнение», а в нижний ящик, где лежал акт о мосте. Два документа лег-

ли рядом: один знал, что моста нет, другой — что починен.
Ящик он задвинул тихо.

Глава седьмая. Пустая сумка

Вода пришла в марте, как заказана. Колодец № 2 стоял в воде до самых берёз — второй год подряд, и четвёртый пункт подтверждался без подписи.

Акушерку из Приречного звали Пелагея Ивановна. Двадцать лет она ездила по четырём сёлам с одной сумкой; половину Долгого она приняла на руки раньше матерей. Ещё осенью она спросила у Степаниды — та всю жизнь собиралась в пятые. «Подождем», — сказала Степанида. Слово пошло по селу, как ходят слухи, — от женщины к женщине, нигде не записанное. Призывов не было. Перестали спрашивать «когда?» — а по неспрашиванию всё было видно. К зиме так же молчали Василенки в Крутых Логах: не сговорившись, наслушавшись.

В ведомости против Долгого с декабря стояла тишина. Пелагея Ивановна писала по четырём сёлам; против Долгого было нечего писать — впервые за двадцать лет строка кончилась.

На реке полоскали бельё. Нюра стирала не глядя и заговорила в воду:

— Молодая-то с Покрова замужем — и тихо. В наше время рожали в поле — и ничего.

Тоня отжала рубаху.

— Живём, — сказала она.

Пелагея Ивановна проходила мимо с сумкой и не сказала ничего: она уже видела ведомость.

К Первомаю из области, идя год, доехала грамота: весовщице ссыпного пункта № 4 Гужовой М. Е. — за безупречный учёт. Читал при народе Мирон Ильич, ровно, как радио. Марфа взяла и поблагодарила — за себя и за весы. Дома положила на верхнюю полку, к справке: обе бумаги были от Державы, пусть лежат вместе.

В мае Пелагея Ивановна шла своим маршрутом. В Осиновке сумка оттягивала плечо: там ждали двоих. В Крутых Логах — одного. От Крутых Логов до Долгого она несла сумку перед собой, как несут пустое, чтобы не звенело.

В Долгом сумка была пуста.

Легче ей не было.

Глава восьмая. Прочерк

В июне сводили полугодие.

«Феликс» стоял слева от лампы, как всегда, и шёл легко. Лёгкий ход Ким за восемь лет выучил наизусть: рукоятка идёт легко, когда число пустое. Полгода пустых ходов он даже злился на прибор, хотя злиться на прибор было глупо.

Против Осиновки в столбце «родившиеся» стояла двойка. Против Крутых Логов — единица. Против Затона — единица. Против Долгого — прочерк.

В Долгом было сто три двора. Ким не помнил, откуда знал это число, — знал: с восемью годами ведомостей деревни входят в руку, как гири. Сто три двора и ни одного родившегося за полгода. За два полугодия.

Он взял со шкафа квартальные папки и разложил по столу двадцать четыре месяца. Долгое жило: единицы, тройки, в иные годы пятёрка; умирали по двое-трое, как везде умирают старики. Потом — прочерк за прочерком, два года подряд. Он сложил два года Долгого на «Феликсе»: рукоятка шла пусто.

Потом он нашёл то, из-за чего перестал сводить.

В первом квартале прошлого года против Долгого стояли: родившихся — прочерк, умерших — единица. Младенец умер двух недель от роду. Две недели — значит, родился. Значит, против Долгого, в каком-то квартале, должна стоять

единица в «родившихся». Ким прошёл папки назад, дальше, до прошлой зимы: единицы не было нигде.

Смерть без рождения. Ребёнок, которого не было по документам, умер по документам.

И против этой строки весной стояла его точка. Он поставил её тогда, не заметив, — принял прочерк как есть, село маленькое, бывает пустой квартал. Точка была поставлена против пустого места, а пустое место оказалось дырой. Восемь лет он верил просто: пока внизу точно, вранью наверху есть с чем сравниться. Внизу перестало сходиться. И хуже всего — перестало сходиться там, где стояла его рука.

Он проверил остальное, как проверяют перед тем, как звать. Выбывших по Долгому не значилось. Приписок к соседним сёлам не было: Крутые Логи и Осиновка сходились сами. Единичное — случай, повтор — система.

В правление Долгого он дозвониться не пытался: телефон жил по обмену. Он попросил на коммутаторе Приречное — больница была на линии и днём, ей обмен не указ.

Трубку взяли сразу.

— Больница, — сказал усталый голос.

Ким назвался: райплан, сверка естественного движения.

— У вас по Долгому в прошлом году умер младенец, двух недель от роду. Рождения в записях нет.

— Ребёнок Гужовых, — сказали сразу, будто ждали. — Родился дома. Записать не успели.

— Кто не успел?

— Никто не успел.

Ким положил карандаш и спросил то, что шло дальше по ведомости:

— А в этом и в прошлом? Ни одного родившегося. Болезнь? Выезд?

Пауза была долгая. Потом трубку передали, и заговорил другой голос, женский, ровный:

— Не родятся, Ким Аркадьевич. Два года. Считайте сами.

Трубку положили мягко, не бросив.

Ким сидел над сводкой. Перо лежало там, где лежало всегда. Против Долгого он впервые за восемь лет не поставил ничего — пустое место осталось пустым, и это была первая сводка, которую он не заверил.

В конце дня он выписал командировку: «Сверка первичного учёта. Ссыпной пункт № 4, с. Долгое. Срок — три дня». В строке «ответственный за учёт» стояла фамилия, которую он знал из наградных, — Гужова М. Е.

Заведующий подписал не глядя.

— Сверка — это правильно. К отчёту успеешь?

— Успею, — сказал Ким.

В это время в Долгом стояла самая короткая ночь года — светлая, как в Светлогорье. Света в ней не зажигали: неза-
чем.

Глава девятая. Сверка

В Долгое Ким ехал с гирями. Гири были поверенные, в фанерном ящике, залитом сургучом; сургуч ставила его рука, и ломать его полагалось при свидетелях.

Машина довезла до правления и уехала: лишних машин в районе не водилось, и командировочный транспорт везде числился по часам. Мирон Ильич встретил на крыльце, отвёл красный уголок — топчан, стол, портрет, плакат «Каждой семье — здорового ребёнка». Плакат висел криво. Ким выправил его и отступил: теперь висел ровно. Плакатам верят, когда они висят ровно.

Утром открыли сыпной пункт. Гужова оказалась невысокой женщиной, о руках которой говорил наградной список.

— Гужова?

— Гужова.

— Ким Аркадьевич, райплан. Сверка первичного учёта.

— Весы не под замком, — сказала она. — Взвешивайте.

Он сломал сургуч при ней, поставил поверенные гири, и она уравновесила платформы своими. Пересчитали остаток: мешки, ряды, бирки. Выборку взвесили. Он слышал про эти руки от областных контролёров и проверил: положил килограммовую гирю ей в ладонь, как в аптеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.